

М. В. Силантьева¹

НАЦИИ VS НАЦИОНАЛИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Когда в 1997 году Умберто Эко опубликовал книгу «Пять эссе на темы этики»², мало кто воспринимал всерьез перспективу выхода на глобальную политическую арену националистических движений, даже тех, кто, выступая от лица крайне правых, не признавал себя фашистами и призывал «наладить жизнь» не в мировом масштабе, а хотя бы у себя дома. Подобные течения воспринимались скорее в качестве «резервных копий» генетического разнообразия культур, хранящих под контролем здравого смысла находки истории (в том числе находки сомнительные и негативные), чем как влиятельные политические проекты.

Однако за последнее время в различных регионах глобального мира политический спектр еще более заметно, чем в конце XX века, сместился в сторону ультраправых идеологий, пусть не всегда откровенно агрессивных³, но явно устремленных к укреплению своего реального культурного и политического влияния. Этот подъем ультраправых идеологий выразился в попытках системной разработки социокультурной стратегии, претендующей на спасение национальных культур от разложения глобализационной унификацией путем их «национализации». Предсказуемый виток истории⁴, качнувшийся маятник от крайности апологетики всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости к крайности изоляционизма, вызвал к жизни идеологии, получившие оценку как националистические и даже фашистские.

У. Эко, как известно, выделил и проанализировал признаки, по которым можно отличить негативную социальную солидарность (фашизм) от позитивной, без которой просто не существует общественного целого. Одними из существенных признаков этого «вечного фашизма» (или «ур-фашизма», по У. Эко) являются культ традиции, чаще именуемый сегодня неонар-

хаикой, и тяготение к синкретизму. Данные признаки, в свою очередь, выступают в качестве маркеров выделяемой специалистами антропологической религиозности — ориентации общественных групп в кризисные периоды истории на использование глубинных ценностей (именно таковыми являются ценности религиозные, касающиеся смыслоложивших вопросов) в качестве своеобразного «социального клея», позволяющего осмысленно решать возникающие экономические, социальные, политические и иные проблемы.

Антропологическая религиозность характеризуется глубоко личным, интимным прочтением социальных задач и погружением личности в интенсивное переживание межличностного взаимодействия в процессе их решения. Такое погружение предполагает высокую степень групповой солидарности. Однако это, как правило, не феномен толпы в чистом виде: группа в случае антропологической религиозности одновременно выступает и как целое, обладающее коллективным бессознательным (толпа), и как целое, состоящее из атомизированных единиц, готовых солидаризоваться по конкретному основанию и подчиняться мнению своего лидера (коллектив).

Активизация подобных отношений (в нашей терминологии — антропологической религиозности), фиксируемая аналитиками на довольно больших территориях (от России⁵, США и Латинской Америки, на что особое внимание обращает У. Эко, до Европы⁶ и Азии), заставляет задуматься о реальных предпосылках и перспективах данного явления, которое было бы весьма недальновидно свести исключительно к проискам неких сил, заинтересованных в дестабилизации сложившейся общественной системы. Даже если это так и явление имеет место, необходимо понять, как с ним следует обходиться.

Неонархаика как единство традиции и синкретизма неслучайно связывается итальянским мыслителем со страхом перед модернизацией — теми изменениями, которые могут настичь человека в нашем нестабильном мире, меняя его жизнь не только в худшую, но и в лучшую сторону. Консерватизм, соединенный с иррационализмом, с легкостью сочетает достижения классической культуры с практиками харизматических неозотериков⁷, науку — с обрядоверием, а искусство — с психотерапией. При этом поиск надежных макрогрупповых идентификаторов (национальных ценностей, собранных в намеренно упрощенную и по-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности», «Аксиологические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации», «Философия культуры Slavia Orthodoxa (глобальная коммуникация и национальный идентитет у размера лингвистиче культуры) = Философия культуры "Slavia Orthodoxa" (глобальная коммуникация и национальный идентитет в лингвокультурном измерении)», «Современная философия культуры в контексте развития теории международных отношений», «Новые принципы "философии границы" в глобальном мире — десуверенизация или "постсуверенизация"», «"Мягкая сила" культурных модуляторов современных модернизационных процессов» (в соавт.), «"Другой" в горизонте свободы (попытка диалога сквозь темное стекло стереотипов)» и др. Иностраный член Сербской академии образования. Член Российского философского общества.

² Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005. URL: http://www.pseudology.org/people/.%5C/Eco_Umberto/5_etika_esse.pdf (дата обращения: 06.03.2016).

³ Луценко А. В. Некоторые аспекты генезиса ксенофобии в идеологии современного западноевропейского неоязычества // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 10 (64). С. 104–110.

⁴ Глаголев В. С. Реализм анализа — исходное условие научной перспективности // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 12–18.

⁵ Глаголев В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2010. № 2. С. 131–140.

⁶ В 2016 году европейские неонацисты — те, кто правее крайне правых, — наконец преодолели 8 % рубеж в одной отдельно взятой стране. См.: Словакия в шоке от успеха неонацистов // Русская служба Би-би-си. URL: <https://news.mail.ru/politics/25058962/?frommail=10> (дата обращения: 07.03.2016).

⁷ Гончарова С. В. Образ человека в религиозном неомодернизме // Философия и культура. 2009. № 4 (16). С. 10–18.

нятную «среднему» человеку схему, ставшую удобной в обращении идеологией — национальной идеей) выражает, как подчеркивал Д. С. Лихачев¹, слабость той группы, которая в ней нуждается.

Отличие «склеивания» макрогрупп с помощью антропологической религиозности от формирования *гражданского общества*, сходного по многим формальным и содержательным признакам с вышеописанной структурой общественных связей, — вопрос, волнующий сегодня всех, кто озабочен угрозой глобальному миру, исходящей со стороны ультраправых идеологий. Полагаю, что, помимо восходящей к Римской империи идеи главенства формального права (правовое государство) и разработанной современной «атлантической империей» идеи выравнивания уровня жизни (потребительское общество), солидарное гражданское состояние отличается от фашизации интерпретацией традиционных (национальных) ценностей, и прежде всего самой идеи нации.

Принципиальным в связи с этим видится выделение нации как национально-культурной общности, уходящей от упрощенного сведения национального единства к единству «крови и почвы». Если вспомнить характеристики локальных культур, предложенные Н. Я. Данилевским, то под культурой следует понимать единство *религии*, культуры в узком смысле (*науки, искусства, промышленности*), *экономики* и *политики*. Этот список в современной культурологии расширен. Его дополняют рассмотрение в качестве важнейших социальных интеграторов *языка, территории и истории*, бо́льшая диверсификация «политики» и т. д. Можно сказать, что интегрированность всех этих гетерогенных факторов дает в результате новое качество, которое и называется культурой².

Данилевский, как известно, настаивал на том, что локальная культура совпадает с государством, страной. Однако нельзя не заметить, что в истории имеют место периоды трансцензуса, и тогда вопрос о локальной культуре может оказаться сопряженным с глобальными социально-политическими перераспределениями. Нация в таком случае активизирует резервные стратегии выживания³, не связанные напрямую с государственническими (но связанные, скорее всего, с архаическим догосударственными способами социальной организации), например пресловутую антропологическую религиозность. Вместе с тем говорить о долгосрочной перспективе этого ресурса не приходится в силу неизбежности его вырождения в национализм и фашизацию, в конечном счете обреченную на коллапс (в том числе в силу неизбежности глобального столкновения с другими народами, поскольку принцип национализма по своей природе противоречит долгосрочному и перспективно-

му взаимодействию с другими нациями). Подчеркнем: речь в данном случае идет о национализме именно как о праворадикальной крайности, а не принципе национального единства как таковом. Два этих подхода противопоставляются, а не отождествляются именно потому, что отсутствие их различия в современных дискуссиях и практиках может приводить (и приводит) к далеко не безобидным последствиям.

Принципиально с позиций перспективности понимание нации не в качестве готовой данности, как видит ее национализм (и за спасение «стабильности» которой он борется, доходя иногда до крайностей фашизма). Нация в ином понимании — открытое единство, которое требует интенсивного развития «вглубь»⁴ (а не «вширь»): рост понимания гражданами целей и задач, стоящих перед обществом в его глобальном и локальном измерениях; целенаправленная работа по участию в реализации посильных данной нации решений, в том числе и глобального масштаба (энергетика, экология, ядерная безопасность, космос, демография, миграция и т. д.). Невозможно стать локальным, просто решив изолироваться от глобальных проблем, это напоминало бы зажмурившегося ребенка, решившего, что таким образом он спрячется от взрослых.

Нация, равная локальному культурному типу, связана, таким образом, с преодолением «среднего» («массового») человека. Соответственно в основе перспективной стратегии сохранения политического единства государственного уровня при динамическом прочтении нации как локального культурного типа, согласно подходам современного уровня, должна лежать система национального образования, предполагающая воспроизводство определенной модели личности на данной территории, с ее уникальными экономическими возможностями, в рамках данного языка, искусства, истории, политики и т. д.

Однако если экономическое единство сегодня скорее глобализирует, чем изолирует; и если национальной экономикой в полном смысле, как полагает У. Эко, может быть только экономика военная, то возникает замкнутый круг: национальная культура возможна только через развитие национального образования, но повышение его уровня требует выхода за пределы национальных образовательных систем. С этой точки зрения нация как национально-культурное единство — это всегда проблема, в отличие от национализма, который стремится к идеалу простоты и, как правило, явно или скрыто императивен. Возможно, выход из круга противоречия между национальным как одновременно локальным и глобальным на современном этапе развития **постглобализации** состоит в том, чтобы в процессе образования преобладало стремление к воспитанию — через развитие критического мышления — таких общечеловеческих ценностей, как способность к справедливому распределению приоритетов, навык видеть свое место в реальной системе балансов, составляющих современное сложное общество, и готовность сотрудничать в решении реальных задач его развития.

¹ Лихачев Д. С. Тревоги совести // Международный литературно-культурологический альманах-антология «История совести. Завещание Д. С. Лихачева». URL: http://historyofconscience.blogspot.ru/p/blog-page_1105.html (дата обращения: 16.03.2016); Он же. Раздумья о России // Сайт «Площадь Лихачева». URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/nauka/kulturologiya/1933/> (дата обращения: 16.03.2016).

² Лихачев Д. С. Русский исторический опыт и европейская культура. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdu-mia_o_ros/003.pdf (дата обращения: 16.03.2016). С. 31.

³ Лихачев Д. С. Раздумья. URL: http://gramotei2013.blogspot.ru/2014/04/blog-post_4922.html (дата обращения: 16.03.2016).

⁴ Березко В. Э. Соотношение интернационализма и национальных интересов в государственно-правовой идеологии западноевропейского марксизма // История государства и права. 2009. № 10.